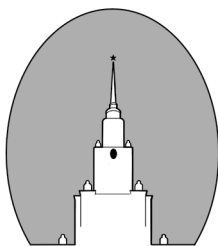

Евгения
ГОРСКАЯ

ЧУЖИХ
НЕ ЖАЛКО

МОСКВА

Евгения
ГОРСКАЯ

ЧУЖИХ
НЕ ЖАЛКО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Горская, Евгения.
Г70 Чужих не жалко : роман / Евгения Горская. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210282-0

Известный художник и девушка, портрет которой он писал, скончались, выпив отравленного вина. Кто, почему и зачем их убил? Родные и близкие погибших не могут вернуться к нормальной жизни, пока не узнают ответы. Путаясь в хитросплетении секретов, недо-молвок и лжи, они пытаются разобраться в случившемся самостоятельно и окончательно лишаются покоя, догадываясь, что убийца — свой, близкий. Отец погибшей девушки подозревает свою молодую жену, бывшая подруга художника — нового мужа, но все хотят только одного: пусть убийцей окажется кто-то чужой!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210282-0

© Горская Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

9 ноября, понедельник

В выходные шел дождь. Временами он сменялся снегом, и Игорь, бросая взгляд за окно, равнодушно жалел бредущих по улице прохожих.

Сегодня уже с утра было ясно. На растущих за окном липах еще оставались листья, желтели на солнце, а большой клен между ними стоял голый, как зимой.

— Как ты? — глядя на мужа с сочувствием и жалостью, спросила Лиля. — Поедешь на работу?

Игорю не требовалось ни сочувствия, ни жалости. Он не так уж страдал от того, что дочери не стало. Не так сильно, как нормальный отец.

— Поеду, — он благодарно тронул руку жены, — не волнуйся.

Дочери не стало десять дней назад. Звонок из полиции застал Игоря на работе, он не сразу понял, что говорит ему мужской голос, а потом, добираясь до незнакомого дома, где было обнаружено тело дочери, удивлялся, что не чувствует ничего, кроме смешанного с недоверием удивления.

И потом, увидев тело дочери, он не завыл от горя, не зарыдал, не схватился за сердце.

— Да, это она, — сказал Игорь. — Это моя дочь. Сазонова Елена Игоревна.

Он ничем не мог помочь полиции.

Он давал дочери деньги и практически ничего о ней не знал.

— Игорь, ты точно в порядке?

Лиля беспокоилась, переживала за него.

Иногда это раздражало, напоминало о том, что она на двадцать лет моложе его, и беспокойство ее словно подчеркивало разницу в возрасте. Конечно, это ему не нравилось. Он до сих пор казался себе молодым.

Теперь он был ей за это благодарен. Сейчас ему хотелось, чтобы за него беспокоились.

Кроме жены, беспокоиться было некому.

— Точно. — Он заставил себя улыбнуться. Протянул руку, потрепал ее по волосам и неожиданно спросил: — Ты меня любишь, Лилечка?

— Очень, — она прижалась щекой к его ладони.

Она не щебетала, как обычно, она сочувствовала ему и не догадывалась, что никакого особого горя он не чувствует, только усталость.

День оказался не только ясным, но и не по календарю теплым. Игорь помедлил перед тем, как сесть в машину. Захотелось пройтись пешком, расстегнуть куртку, подставить грудь под слабый осенний ветер.

Идти пешком до работы было меньше часа, но он сел в машину, поехал привычным маршрутом.

Он уже давно бесцельно не бродил по улицам. По вечерам он спешил к Лиле, а по утрам на работу.

Опаздывать на работу не полагалось. Должность позволяла ему пренебрегать правилами, совесть — нет. Впрочем, пожалуй, не совсем так. Он создал себе имидж честного и справедливого начальника

и втайне этим гордился. Опаздывать было хамством, что его имиджу не соответствовало.

О том, что он забыл сигареты, Игорь вспомнил, уже поставив машину на служебную стоянку. Он с досадой похлопал себя по карманам, словно надеясь, что сигареты чудесным образом там появятся, чертыхнулся сквозь зубы и пошел в расположенный рядом супермаркет.

Курить хотелось сильно. Выйдя из супермаркета, Игорь отошел от входа, остановился у проема между домами и с удовольствием затянулся,

В проем был виден двор с детской площадкой. На площадке девочка лет пяти каталась на качелях.

Сигарета догорела. Он поискал глазами урну, не нашел и воровато бросил окурочек у стены дома.

Девочка спрыгнула с качелей, убежала.

Он уже опаздывал, надо было торопиться.

Игорь сделал несколько шагов в сторону серого здания, в которое торопливо заходили коллеги, остановился, вернулся к арке и заглянул во двор.

Детская площадка была пуста. Он опустился на стоящую напротив качелей лавочку и достал телефон.

Парня, который обнаружил тело дочери, он помнил плохо. Тот представился журналистом. Он с сочувствием смотрел на Игоря и зачем-то продиктовал ему номер своего телефона. А Игорь зачем-то послушно записал.

Парня звали Иван Кургин.

Мужской голос ответил через несколько гудков, и Игорь, не представляясь, торопливо сказал:

— Я хочу купить портрет дочери. За любые деньги.

Когда-то Ивана Кургина Стася знала неплохо. Он нередко заглядывал к Егору, но это было пять лет назад, а с тех пор она прилежно старалась забыть все, что связано с Егором.

Забыть получалось успешно. Теперь она пугалась от мысли, что могла не поехать промозглой декабрьской ночью на дачу и до сих пор считала бы, что немедленно умрет, если Егор ее разлюбит.

Она не умерла, она встретила Марка и теперь знала, что все, что бог ни делает, к лучшему.

Впрочем, бог за нас ничего не делает, мы сами совершаем свои поступки.

Разговаривать не хотелось, но она ответила на звонок.

— Привет, Станислава, — поздоровалась трубка. — Не разбудил?

— Не разбудил, — вздохнула Стася.

Ей не хотелось слышать Кургина.

Ей не хотелось ни слышать, ни видеть никого из приятелей и приятельниц Егора.

Она и не слышала о них до самого последнего времени.

— Отец той девушки, которая вместе с Егором... умерла, хочет купить ее портрет.

— На эту тему с Ирой нужно разговаривать, а не со мной! — стараясь не завывать от злости, отрезала Стася.

Когда-то она с сестрой Егора дружила. Они нравились друг другу, Ирина и Стася.

Это было в те далекие времена, когда она таяла от любви к Егору, и каждая минута, проведенная без него, казалась ей вычеркнутой из жизни.

— Уже поговорил. Она просила тебя отдать отцу девушки все, что он захочет.

Ключи от квартиры Егора Ира сунула Стасе в руки на похоронах.

— Мне некому больше их дать! — зло объяснила Ира. Она смерть брата переживала тяжело, Стася ее жалела. — Ты его жена! Сделай для него хотя бы малость!

Стася никогда не была женой Егора. Он так и не собрался оформить брак.

А уж в том, что мертвому Егору все равно, у кого будут ключи от его квартиры, можно было не сомневаться.

— Маму я забираю с собой, у нас здесь больше нет никого близких!

Ира давно жила в Германии, уехала, еще когда для Стаси существовал только один мужчина на свете — Егор.

Брать ключи было нельзя, но Стася послушно сжала их в кулаке.

— Я дам тебе ключи, и берите все, что хотите! — прошипела Стася Кургину.

— Спасибо, — поблагодарил Иван. — Куда приехать?

Можно было встретиться где угодно, но она неожиданно сказала:

— Через два часа у Егора в квартире. Подойдет?

— Подойдет.

Марк смотрел на нее злыми и несчастными глазами.

— Кто это? — хмуро спросил он.

— Приятель Егора, — Стася подошла к мужу, сидящему за столом, и щекой прижалась к его го-

лове. — Марик, пожалуйста, не придумывай глупостей!

Марк ее ревновал. Это было смешно и глупо, и она не знала, что с этим делать.

— Какой приятель?

— Иван Кургин. Блогер. Помнишь, я показывала тебе его стримы на Ютубе? Они с Егором дружили. Ивану нужно что-то взять из квартиры.

О том, что Егора и некую девушку нашли в той квартире мертвыми, сказала Ира. Сестра Егора рыдала в трубку, а Стася ничего не чувствовала, кроме равнодушной досады.

Она не желала Егору смерти. Она желала никогда о нем не слышать.

— А ты здесь при чем?

— У меня ключи, — виновато объяснила Стася.

— Какого черта ты их взяла!

— Ире больше некому было их дать.

Все это было уже сотню раз проговорено. Она не должна была брать ключи от квартиры совершенно чужого Егора, и Марк справедливо на нее злился.

— Марик, ну пожалуйста, не надо, не злись, — попросила Стася. — Поцелуй меня.

Он поцеловал, конечно. Он всегда делал так, как она хочет.

В отличие от Егора.

— Мне никто не нужен, кроме тебя. — Стася заглянула ему в глаза. Глаза были печальные. — И никогда не будет нужен. И никогда не был, только я этого не знала. Я же не виновата, что не встретила тебя раньше.

Муж наконец неохотно обнял ее одной рукой, и она опять испугалась, что могла до сих пор оставаться с Егором.

* * *

Станислава изменилась. Раньше была веселой девчонкой, со щенячьей радостью заглядывающей в глаза Егору, а теперь стала спокойной, уверенной молодой дамой. Это Иван еще на похоронах заметил.

Раньше он ее жалел. Почему-то ее преданность Егору вызывала именно жалость. Станислава постоянно старалась угадать, что ее кумиру угодно, и светилась радостью, когда у нее получалось. Она вскакивала за сигаретами, когда Егор начинал ошупывать карманы, она мгновенно приносила нужный холст, когда Егору хотелось показать приятелю свою новую работу, она совала Егору в руки куртку и шарф, когда он шел проводить Ивана. Все это Станислава проделывала не демонстративно и ненавязчиво, незаметно.

Егор благодарно и незаметно ей улыбался и гладил ее по плечу или по руке. Он ценил ее преданность.

Иван был поражен, когда узнал, что Станислава Егора бросила.

Иногда он замечал, что Соня напоминает ему Станиславу. Это бывало, когда жена смотрела на него с тихим обожанием. Но Соня у него жалости не вызывала, ему нравилось, когда она так на него смотрела.

— Ты стала очень красивая, — искренне сказал Иван, когда Станислава вышла из припарковавшейся рядом «Тойоты».

Она приехала вовремя, это он явился на двадцать минут раньше и ждал ее, сидя на лавке у подъезда

Егора. Сидеть на лавке было приятно, неожиданное для ноября солнце ласкало лицо.

— Спасибо, — улыбнулась Станислава. — Я люблю комплименты, мне их редко делают.

— Да? — удивился он. — Почему редко?

Разговор становился каким-то фальшивым, пошлым. Неуместным.

— Так, — Станислава пожала плечами. — Некому делать.

— А муж? — отчего-то не унимался Иван. — Ты ведь замужем?

Он кивнул на обручальное кольцо на ее пальце.

— Да, замужем. — Она чуть поморщилась, пресекая неуместный разговор. Раньше она этого не умела. — Пойдем!

Станислава быстро пошла к подъезду, он двинулся следом.

Раньше она краснела и прятала глаза, когда Егор отпускал грубые шутки.

Она отпирала дверь, когда позвонил отец погибшей девушки.

— Поднимайтесь, — сказал ему Иван. — Мы уже на месте.

В прихожей Станислава пошарила рукой по стене, включила свет. Помедлила пару секунд и нерешительно прошла в комнату. Ей не хотелось здесь находиться, она старалась ни к чему не прикасаться, даже сунула руки в карманы куртки.

Трупы обнаружил Иван. Утром приехал к Егору, потому что хотел расспросить приятеля об одной даме, портрет которой Егор писал. Иван интересовался не дамой, а ее мужем. Тот был личностью малоизвестной, но, как подозревал Иван, контролировал

неплохие денежные потоки. У него перехватило дыхание, когда приятель похвастался, что заимел такую интересную клиентку.

Накануне у Егора был день рождения. Отмечать его приятель собирался в выходные, но Иван позвонил, поздравил, заодно напросился на встречу, чтобы спокойно поговорить о даме.

Встретиться договорились утром. Иван на встречу опоздал и, когда дверь ему не отперли, зло подергал ручку. Егор мог бы и предупредить, что ждать Ивана не станет.

Дверь неожиданно открылась. Иван негромко позвал Егора и в ту же секунду увидел на полу комнаты-студии тело друга. Вообще-то тогда он еще не понял, что это не Егор, а его тело. Это выяснилось через несколько секунд.

Тело девушки лежало ближе к окну.

Стоящий на мольберте портрет он увидел сразу. С холста девушка, которая теперь была мертвой, улыбалась еле заметной улыбкой.

— Он писал ее портрет, — сказал Иван отцу девушки.

Ему тогда казалось, что отец его не услышал. Он молча смотрел перед собой и зло сжимал губы.

И все-таки Иван не удивился, когда отец утром ему позвонил. Он скорее удивился бы, если бы он не позвонил.

Дверной звонок прозвенел резко, громко. Станислава, стоя лицом к окну, не пошевелилась. Иван открыл дверь.

Мужчина молча кивнул Ивану. Тот без слов посторонился, впуская гостя.

Станислава отвернулась от окна и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Руки она продолжала держать в карманах.

Отец на приветствие не ответил. Иван повел головой, показывая, что пройти нужно в соседнюю комнату, и двинулся туда первым.

Портрет мертвой девушки продолжал стоять на мольберте.

Работа была незакончена. Волосы остались темным пятном, а шея и плечи — светлым. Только губы казались реалистичными.

Егор был талантливым художником.

— Сколько? — неприязненно спросил отец.

Иван помнил, отца звали Игорем Семеновичем.

Игорь Семенович так же, как и Станислава, держал руки в карманах.

— Нисколько, — сказал Иван.

— Я хочу заплатить!

— Хозяева сказали, чтобы я отдал бесплатно.

Гость молча повернулся, вышел из комнаты, которая служила Егору студией, остановился у двери второй комнаты и зло бросил Станиславе:

— Вы хозяйка?

— Нет, — она покачала головой.

— Я хочу заплатить!

— Платите, — Станислава равнодушно пожала плечами. — Оставьте деньги, хозяева приедут, заберут.

— У меня нет наличных.

Станислава промолчала.

Они оба, и Игорь Семенович, и Станислава, мечтали поскорее убраться из этой квартиры.

— Хозяева в Германии, — примирительно сказал Иван. — Вы можете заплатить, когда они приедут.